

Ирма Ратиани

Илья Чавчавадзе и его читатель

Контакт автора с читателем обретает индивидуальный облик в пределах конкретной литературной эпохи, стиля и проблематики: на любом этапе развития литературы взаимоотношения автора с читателем подчинены знаковым стилистическим и методологическим законам конкретной литературной системы. Реалистическая литература 19 века, в этом смысле, также не составляет исключения.

Реалистическая литературная школа, в частности, на этапе критического реализма, с особым вниманием относилась к вопросу взаимоотношений автора с читателем. И хотя позднее литературная критика 20-го века, неоднократно переосмысляя «проблему автора», мягко говоря, свела его роль в тексте к минимуму (Т. Элиот, Р. Барт, Ж. Женетт и др.), литературную традицию 19-го века невозможно рассматривать в подобных инновационных параметрах: для реалистической литературы автор представляется основой композиционной и пространственно-временной ориентации повествования. Конечно, функция читателя и читательского хронотопа также достаточно актуальна, но, по большей части, она регулируется самим автором: автор обращается к читателю, объясняет, разъясняет, задает вопросы, отвечает, доказывает, оставляя читателю не так уж и много, если использовать термин Изера, «туманных мест» и «текстуальных неясностей», которые тот должен разгадать, подобно головоломке, или заполнить. Известно, что акт прочтения – это вечно открытая перспектива, которая, с одной стороны, подразумевает контекстуальные модификации, но, с другой – способствует реализации максимальной флексивности читателя и его способности к трансформации. Таким образом, читатель различных исторических и социокультурных контекстов по-разному включается в текст, и процесс восприятия обретает характер индивидуального акта. Но, критический реализм, мастерски используя текст как трибуну для озвучивания социальных и национальных, этических и философских проблем, как бы искусственно нарушает эту логику рецепции: писатель-реалист пытается «увлечь за собой» читателя, направить процесс его рецепции в определенное русло и для достижения этой цели активно прибегает хотя и к испытанным, но стилистически модифицированным приемам ораторской прагматики

* * *

Основы ораторской прагматики еще в античную эпоху сформулировал Аристотель, когда среди многих значимых функций высокой риторики особо выделил ее стилистические функции: ораторские беркеты воздействия на слушателя, логическое построение речи и подбор соответствующих выражений. Эта риторическая функция особо эффективно использовалась в Средневековье, когда словесная вязь становится основой аллегорической эзегетики. В последующие периоды эта, укоренившаяся в русле христианского мышления традиция, с переменным успехом, продолжает свое развитие, и, если эстетический концепт неоклассицизма подразумевал преувеличенное присутствие риторического стиля, которое, делая повествование нудным, логическим и строго дидактическим, вредило художественному плану текста, то романтики, вдаваясь в противоположную крайность, почти не обращали на него внимания. С 40-ых годов 19 века усилившаяся реалистическая тенденция восстанавливает нарушенный баланс - ораторская прагматика вновь оказывается в условиях нормированного режима. На раннем этапе реализма решающая роль в регулировании процесса была отведена структурному регулированию отношений автора с

читателем: автор обретает статус концептуального лидера, ведущей координаты текста, оратора, а читатель предстает как собеседник, вовлеченный в активный диалог с автором, слушающий автора интеллектуальный партнер, в чьей поддержке постоянно нуждается автор. Исходя из этого, реалистическая литература и, конечно же, грузинская реалистическая литература, опиралась на модифицированный, диалогический метод ораторской прагматики и максимально активизировала взаимоотношения автора с читателем в тексте с помощью композиционных приемов. Наиболее продуктивной формой стал открытый диалог автора с читателем, беседа т.н. «открытым текстом», когда автор фиксирует свои отношения с читателем в самом тексте и призывает последнего к искреннему разговору.

Стремящийся к диалогу с читателем, автор-реалист наделен функцией ведущего, проводника по тексту, направляющего читателя в нужную сторону, но, одновременно, он постоянно нуждается, и ждет, максимальной поддержки своего читателя. Конечно, читатель может и не согласиться с ним, но он обязан принять автора в качестве собеседника и партнера. Наилучшей формой реализации подобных взаимоотношений является обращение автора к читателю; к этому, успешно освоенному реалистической литературной традицией способу, грузинский реализм отнесся с особой ответственностью, так как с его помощью было легче выразить суть т.н. «Грузинской проблемы».

«Грузинская проблема» составляет общность наиболее проблем, постоянно сопутствовавших (и продолжающих сопутствовать) грузинскому народу и отраженных в истории его литературы, но в 19 веке, в воззрениях лидера грузинского реализма Ильи Чавчавадзе, она складывается в четкую систему и обретает форму действенного лозунга – «Родина, Язык, Вера».

Илья Чавчавадзе, нацеленный на возрождении национального и духовного единства Грузинского народа, требовал от собственных сочинений гораздо большего, чем подразумевает творчество одного писателя: он искал в грузинском обществе не просто «читателей», но единомышленников и надежную опору. Он не нуждался в ищущем развлечения читателе, который, ненадолго занявшись чтением, вскоре забывает о прочитанном. Страждущий об ослабленной, затихшей, затянутой в «омут безразличия» Грузии, он хорошо осознавал необходимость пробуждения в соотечественниках соратников. В такое время наилучшим союзником представлялась именно литературная модификация ораторской прагматики с акцентированием роли автора и тесным контактом с читателем. Илья с радостью обратился к ней и настойчиво приступил к «наставлению» читателей.

Илья открыто вовлекает в диалог своих читателей: рассказывая, беседуя, объясняя, разъясняя, вопрошая, отвечая, он неустанно беседует со своим народом. Основной рычаг ораторской прагматики Ильи – нравственность, поскольку он прекрасно понимает, что «нравственные качества оратора имеет огромную силу воздействия на слушателей, которых можно увлечь словом» (Аристотель)*. Он осознает, что «обращенное к слушателю слово направлено на то, чтобы оратор обрел его расположение или пробудил в нем злость, привлек внимание, или наоборот, поскольку не всегда желательно привлечение внимания слушателя. Многие ораторы стараются рассмешить слушателей, их чаще слушают: это способствует лучшему пониманию того, что они советуют, а также тому, что оратор выглядит высоконравственным человеком. Слушатели сопереживают великому, необычному, удивительному, приятному» (Аристотель). Илья, затрагивая острейшие для Грузии политические, социальные и национальные проблемы, всеми способами старается привлечь внимание слушателей и добиться их доверия. В произведениях, имеющих этапную значимость в его творчестве – «Записки проезжего», «Отарова вдова» и «Человек ли он?!», он

---

* цитаты Аристотеля здесь и даьше использованы из грузинского издания «Риторики».

максимально активизирует контакт с читателем. Фиксация в тексте взаимоотношений автора с читателем реализуется в регулярных обращениях.

В произведении «Записки проезжего» они исходят от главного героя и вращаются вокруг наболевшей проблемы политической независимости и национальной идентичности:

«Четыре года прожил я в России и не видел родины. Четыре года!.. Поймешь ли ты, читатель, какими годами были для меня эти четыре года?...» (перевод Е. Гогоберидзе).

Это обращение является концептуальным лейтмотивом «Записок проезжего»: на него опирается содержательная и композиционная пирамида произведения. Налицо четко мотивированный риторический диалог с читателем, которым устанавливаются рамки общения автора - читателя и определяется характер этого общения в процессе наррации. И хотя в дальнейшем повествовании и не фиксируются четко выделенные обращения подобного типа, они явственно проступают на уровне эмоциональных подтекстов. Исключением является заключительная, восьмая, глава произведения, в которой контакт автора с читателем вновь приобретает активную форму на уровне текста – автор заканчивает беседу со своим внимательным читателем и суммирует результаты наррации:

«Я ведь, как путник, мимоходом вспоминаю о том, что от него слышал. Задачей моей было сохранить оттенки его мысли и склад его речи. Если это удалось,— задача моя выполнена» (перевод Е. Гогоберидзе).

В «Отаровой вдове» единственное прямое обращение автора к читателю связано с персонажем Георгия, что подчеркивает значимость для автора осмысления читателем этого персонажа: *«А Георгий, как для меня, читатель, так и для них, был загадкой»* (перевод И. Модебадзе). На протяжении всего остального текста, писатель как будто ненавязчиво приглашает читателя в мир свободных интерпретаций, но эта «свобода» максимально управляема: шаг за шагом Илья увлекает за собой читателя, разъясняя ему, с помощью персонажей, сложнейшие проблемы, такие как - психологическая проблема «Матерей и Сыновей» или социальная проблема «Сломанного Моста».

Наиболее интересное для нас третье произведение - «Человек ли он?!» - щедро насыщено прямыми обращениями к читателю. По-видимому, воодушевленный экспонированием острой социальной проблематики произведения, Илья максимально использовал ораторскую трибуну. Выдержанные в классическом риторическом стиле обращения, вопросы и возгласы являют собой прекрасные образцы литературной риторики:

„Не подумайте, читатель, что дом этот принадлежит какому-нибудь бедняку, и потому так немилосердно запущен»;

«Такое состояние, если учесть все: крепостных, лошадей, землю – лакомый кусок в руках того, кто умеет с толком использовать свое добро. Но почему же так убога эта усадьба? – спросит меня удивленный читатель. Потому что хозяин ее грузин, - отвечу я вам, вполне уверенный в том, что привел убедительное объяснение»;

«Не заскучал ли ты, читатель? Конечно, заскучал: здесь нет ни хитросплетений любви, ни самоубийств, нет безнадежно вздыхающей героини, никто не кидается в воду, - словом, нет ничего, что украшает повесть, написанную для развлечения. Да, заскучаешь, что и говорить! Но тебе следует знать, читатель, что я, нижеподписавшийся, сочиняю эту бесхитростную повесть не ради забавы. Я хочу, чтобы эта повесть заставила читателя призадуматься; и если он затоскует, так только потому, что мыслью и тоска – неразлучные сестры. Я хочу, чтобы читатель затосковал не потому, что повесть моя лишена интереса, а потому, что она заставила его думать. Если мои незатейливые писания приведут к этому, то большего я не хотел и не хочу, о, мой тоскующий читатель!»; *«Достойные зависти, счастливы, не правда ли, читатель?!»;*

«И приуныл же Луарсаб, читатель!»; *«В конце концов - ты уже знаешь, читатель, - они полюбили друг друга!»;*

«Ты, видно, никогда не кончишь? – спросит меня заскучавший, а может, и раздосадованный, читатель? Как - нет? Кончу, но, знаете, чем? Тем, что счастье Луарсаба миновало. – Как, неужели, мимолетно даже такое прочное счастье? Что же тогда нерушимо в мире? – воскликнет огорченный читатель в один голос со мной. Нерушим и вечен только мир, читатель»;

«Видимо этот обычай молить о прощении и милосердии имел свой смысл и свои основания. Но я не стану разъяснять их тебе, читатель»;

«Я кончил, а ты, читатель, поступай, как знаешь»; «А впрочем, пребывайте с миром и простите раба вашего...»*

Подобные частые обращения к читателю, как состоящие из отдельных фраз, так и включающие серьезные суждения и выводы (особенно в последней главе) открыто фиксируют контакт автора с читателем.

В цитируемых произведениях контакт автора с читателем в соотношении с конкретным отрезком текста устанавливается в рамках, определенных методом ораторской прагматики и выражен в форме композиционного членения. Взаимоотношения автора с читателем фиксируются совершенно открыто, т.н. «открытым текстом», где автор предстает ведущим диалог, а читатель – его активным слушателем. Илья, как истинный писатель-реалист, никогда не забывал «своего читателя», того, ради которого он творил, жил, боролся и умер мученически.

* * *

Специфику контакта автора с читателем определяет и устанавливает литературная эпоха с присущими ей эстетическими принципами и методологическими законами.

В эпоху критического реализма особо ценится в тексте взаимодействие автора с читателем. Писатель-реалист не диктатор эпохи неоклассицизма, но и не либерал эпохи романтизма – писатели-реалисты напоминают стоящих у пульта дирижеров, контролирующих каждый звук (структурное звено) оркестра (текст) и постоянно нуждающихся в одобрительных аплодисментах. Вооруженный принципами модифицированной поэтической системы ораторской прагматики писатель-реалист стремится «покорить» душу и разум читателя, пытается обратить его в сопереживающего единомышленника, с которым всегда возможен конструктивный диалог.

Перевод с грузинского И.И.Модебадзе.

---

* перевод Е. Гогоберидзе.